

Mrázek, Roman

Десигнаторы интенсификации действия в русском языке

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1964, vol. 13, iss. A12, pp. [169]-180

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101305>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РОМАН МРАЗЕК

ДЕСИГНАТОРЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Русская живая разговорная речь, как и просторечие и диалекты, располагает рядом интересных формальных средств для передачи всякого рода оттенков интенсивности глагольного действия.* Явления эти, касающиеся грамматического, лексического и отчасти также звукового ярусов, следовало бы разрабатывать большей частью в „теории высказывания“, или же „риторике“;¹ притом доля стилистической нагрузки здесь велика. По отдельным пунктам заданной тематической области уже писалось, однако сводной информации пока не имеется. Поэтому предлагаемая статья задумана как опыт краткой, систематизирующей инвентаризации соответственных русских моделей и типов, с попутными ссылками на эвентуальные более подробные источники и с некоторыми указаниями чешских параллелей.

1.1. В центре внимания у нас стоят грамматические аспекты. Из всей обширной сферы интенсифицирующих, да и вообще „усиливающих“ десигнаторов („Ausdrucksverstärkung“)² нами берется только одна часть их, охватывающая интенсификацию действия. Последнюю понимаем в широком смысле, относя к ней, между прочим, и выражение высокой меры длительности, стремительного или внезапного наступления действия, чрезвычайного качества глагольного процесса и т. п. Замечаем, однако, что специально не учитываются разные модификации усиления, обусловленные той или другой общей модальностью высказывания; это относится, главным образом, к призывному плану языка, т. е. к способам передачи категорического приказа.

1.2. Понятно, что всякая интенсификация тесно сопряжена с экспрессивностью, и тем самым часто также с мелодическим профилем высказывания.³ Тем не менее отнюдь не приходится ставить знак равенства между обоими этими планами речевого акта. С точки зрения словесного выражения релевантную роль при любой интенсивностной стилизации играет, в конечном счете, не сам денотат, а восприятие, осмысление его говорящим. Это значит, что признак в реальном мире либо может сам по себе быть объективно „интенсивным“ (ср. *бомба взорвалась, грянуло ура!, космический корабль мчится по своей орбите*), либо может и не быть таковым, но говорящий придает ему через призму своего высказывания особый характер, т. е. интенсифицирует его. Именно случаи последнего рода в своем обобщении не могут не привлекать внимание лингвистики.

Лексические средства

2.1. Прежде всего сюда входит употребление одной только соответственной глагольной лексики. Она или называет интенсивный в самом денотате процесс (ср. выше), или гиперболизирует его (напр. *идешь* → *бежишь*, *летишь*, *мчишься*; *говорит громко* → *кричит*; *вопросы последовали один за другим* → *вопросы посыпались*), или же придает высказыванию явно эмоционально-оценочный характер (зачастую неодобрительный, даже вульгарный, иной раз образный, напр. *пьет* → *хлебает*; *много ест* → *жрет*; *что смотришь?* → *что глазеешь?*; *стучит в дверь* → *дубасит в дверь*; *кричит* → *горланит* // *орёт*; *быстро вошел* → *ворвался*; *сердце кипит*; *страх и холод прорезался в козацкие жилы* [Гоголь]). Возможны, естественно, промежуточные случаи и взаимонаслоения.⁴

Чаще всего такой „элементарный“ лексический прием касается явлений звуковых и моторических; ср. *музыка гремит*; *в ушах у гостя затрепало* (Крылов); *Егоровна взывала* (Пушкин); *он выпалил* (*отчеканил*, *затараторил*); — *закатились* (*ударились*, *бросились*) *бежать*; *она сорвалась с койки* (Симонов); *на крохотном форде мчим* (Маяковский).

2.1.1. Лишь попутно можно напомнить, что глагольные лексемы, называющие стихийные (в самом широком смысле) процессы, при определенных условиях выступают в типичной для русского языка безличной конструкции с твор. падежом, ср. *парового человека раздавило*; *взрывом его швырнуло наземь*.

2.2. Интенсивность в смысле мгновенности, стремительности — чаще движения — может передаваться отглагольными междометиями, вроде *бац*, *бух*, *бряк*, *прыг*, *порт*, *скок*, *стук*, *толк*, *хап*, *хватъ*, *хлоп*, *цап*, *чирк*, *юрк*, *швырк*, *шлеп*, *шмыг*;⁵ напр. *она шлёп в лужу!*; *Казбич... прыг на лошадь* (Лермонтов); *и хватъ за винтовку* (Фурманов). Подобной семантикой обладают производные звукоподражательные глаголы, ср. *шлёпнулась на землю*; *бугнулса* // *ухнул в яму* (вм. нейтрального *упал в яму*).

2.3. С предыдущей рубрикой несколько сближается „опредмеченная“ стилизация интенсивных процессов, т. е. постановка отглагольного существительного. Имеются в виду случаи вроде: *хотот*, *шум*, *неразбериха* (Твардовский); *стук*, *гром*, *блеск!* (Гоголь).

2.4. Иногда бывает и так, что название резкого или нечаянного действия вообще не получает никакого словесного выражения, вытекающая из самой лексико-семантической структуры таких неполных предложений в данном контексте. Ср. *он — в дверь*, *а она — в окно!*; *сапожник мой, схватя мешок, скорей домой не бегом — летом* (Крылов); *где ни возьми — баба, да меня ухватом-то, да меня ухватом* (Афанасьев).

Лексико-морфологические средства

3.1. К числу этих десигнаторов можно отнести употребление таких глаголов, которые интенсифицируют благодаря своему словообразовательному (в частности, фонетическому) составу или же благодаря означаемой ими специальной разновидности „совершаемости“ действия.

3.2. Случаи первого разряда неоднократно привлекали интерес языковедов, особенно в этимологическом плане. В чешском языкознании основополагающие работы по этим вопросам на сравнительно-исторической

основе были проделаны проф. В. Махеком.⁷ „Этимологические глагольные интенсивы“ обязаны своим звуковым обликом по большей части воздействию словесной экспрессии; в настоящее время, правда, интенсивно-экспрессивный характер их давно не осознается. Ср. древнее удвоение корней (*plapolati, glagolati, тътъръ*, позднее русское *татакать, бубухать, бебекать*), использование согласного -s- (напр. рус. *кромсать, плясать, сосать* . . ., лат. *cursare*), согласного -t- (*топтать, стректать, шептать* . . .), некоторые явления назализации, экспрессивной палатализации или же возникновения на славянской почве звука *ch* и нек. др.

3.3. С другой стороны, иные словообразовательные приемы оказываются живыми, продуктивно действующими в системе современного языка и мотивированными в отношении интенсификации. Наиболее ярким примером служит относительно широкий круг просторечных глаголов с суффиксом -ануть: *толкануть, пугануть, рубануть, стегануть, дергануть, сигануть, прыгануть, хлебануть, щипануть* и т. д. В севернорусских говорах этот суффикс звучит -онуть, подобно как и в украинском языке (*скаконути, давонути, рубонути* . . .), между тем как белорус. яз. сходится с русским (*тавхануць, шалепануць, шмаргануць* . . .). Третья суффиксальная разновидность, -енуть, представлена единично, ср. литер. *встрепенуться*. Выражается интенсивно-однократное значение, в письменном языке подобные образования распространялись с начала 19-го в. По поводу возникновения всего словообразовательного типа нет пока единства мнений, и даже недавнее изыскание Б. Малинг-Рихтер⁸ вряд ли принесло окончательное решение вопроса.

3.4. Далее, имеется несколько других групп глаголов, почти сплошь возвратных, в которых выражаемая ими совершаемость действия периферийно может быть подведена под понятие интенсивности в широком смысле. Поскольку проблематика совершаемостей (или же способов глагольного действия) на русском материале с наибольшей полнотой была рассмотрена А. В. Исаченко,⁹ следуем здесь прежде всего его взглядам и терминологии. Группы эти следующие:

3.41. Глаголы с префиксом *на-* и возвратной частицей обозначают „сатуративный“ оттенок результирующей совершаемости; ср. *напелтаться, наноситься, намечтаться, начитаться, послушаться, насмотреться, нашептаться, наплакаться, насмеяться, накричаться, належаться, нагуляться, наспаться* и др. Их формальные чешские эквиваленты те же, но в чеш. яз. эта словообразовательная модель развита многим шире. Особую разновидность представляет отрицательный тип *не налюбуеться, не нарадуются, не наглядится, не насмотрится, не надышится, не нахвалится, не надицуется, на него не напасешься*, которому в чеш. яз. отчасти соответствует перифрастическое выражение вроде „*nemůže se vynařivat*“, „*nemůže si vynařvat*“ (возможно оно, впрочем, и в рус. яз.: *он не мог налюбоваться, нахвалиться, наглядеться* . . .). Скорее уже к тавтологическим повторам (ср. § 4.2) примыкают такие сочетания, как-то: *глядит не наглядится, жду не дождусь, слушаю не слушаюсь, радуется не нарадуются* . . . В невозвратной форме мы имеем дело с „партиципно-кумулятивным“ оттенком: *наделать, наломать, наобещать, навидумать, натворить* . . ., *набежало, навалило* . . .¹⁰

3.42. Весьма продуктивным в разговорной речи является „достигательный“ оттенок: *доиграться (до полного истребления), доголотаться (до туберкулеза), докататься (до простуды), доработаться (до известности), доискаться (чего), дочитать (до боли в глазах), добежаться (до порока сердца)* и др.¹¹

3.43. „Экстаузивный“ оттенок характеризуется префиксом *у-*: *убегаться, уходить, умяться* . . ., однако рус. языку он свойствен лишь в незначительной мере, в отличие от широкого его диапазона в чеш. яз.¹²

3.44. С приставкой *из-* налицо оттенок „результативно-квалифицирующий“, малопродуктивный: *извороваться, изнервничаться, изолгаться, истулиганиться...*¹³

3.45. Интенсивами по происхождению являются некоторые возвратные бесприставочные глаголы, имеющие свои невозвратные оппозиты, типа: *грозиться (грозить), обещаться (обещать), проситься (просить), плакаться (плакать), стучаться (стучать), звониться (звонить)*. Однако между членами соответствующих пар теперь уже большей частью существует явное лексическое отличие, ср. *плакаться* = „жаловаться“, *стучаться, звониться* = „добиваться открытия двери, выпуска“.¹⁴

3.46. А. В. Исаченко (*Грамм. строй II*, 283—284) относит к „осложненно-интенсивной“ совершаемости случаи вроде: *выделявать (ногами разные фигуры), выплясывать, вытанцовывать, выписывать (букавы в тетради), вычерчивать, вырисовывать, вытешивать*. Что же касается морфолого-синтаксического типа *мне хочется, ему икает, нам работается, мне не спится*, квалифицируемого акад. В. В. Виноградовым в смысле „безлично-интенсивного значения“,¹⁵ то интенсивность здесь следует, скорее, понимать как невольное расположение или нерасположение к совершению действия.

Лексико-синтаксические средства

4. К этому разряду десигнаторов интенсификации действия можно отнести (1) повторы, (2) тавтологии и (3) употребление всякого рода приглагольных определителей.

4.1. Повторы, и не только глаголов, являются излюбленным стилизационным приемом русской разговорной и народной речи. В последнее время о них специальную статью написала Е. Кржижкова (опираясь, гл. обр., на соображения Н. Ю. Шведовой),¹⁶ ввиду чего позволено ограничиться здесь лишь несколькими замечаниями.

С формальной точки зрения повторение глаголов бывает бессоюзным (с произношением либо слитным, либо раздельным, ср. *шел-шел; сидел, сидел*), с союзом *и* (*гремит и гремит*), с союзом *да* (*шел да шел*) или с союзами *да и* (*читает да и читает*). В функционально-семантическом отношении повторение может быть двух видов, Во-первых, в нем сказывается только эмоциональная установка говорящего (включая колебания при продолжении текста), что бывает лишь при бессоюзии; встречаются подобные немотивированные повторы, в общем, реже; напр. *подождите, подождите; идем, идем!; она меня любит, любит!; я думаю... думаю, что это не так*. Во-вторых, повторение глагола, союзное или бессоюзное, чаще сигнализирует интенсификацию, с меньшей или большей примесью экспрессивности, пусть уже в смысле длительности действия (т. е. по линии горизонтальной, с возможными побочными оттенками итеративности), пусть в смысле сосредоточенной напряженности прилагаемого усилия (т. е. по линии вертикальной); притом далеко не всегда можно провести точную грань между случаями обоого рода. Специальную разновидность в этой второй семантической рубрике образуют союзные повторы с союзом *и*, при помощи которых говорящий экспрессивно подчеркивает свое утверждение, напр. *и если говорят, что вынесли наслаждение, то лгут и лгут!* (Рим.-Корсаков); здесь происходит соприкосновение с чисто эмоциональными (эвент. эмоционально-модальными) повторами.

4.2. Тавтологии также весьма характерны для русской живой и фольклорной речи. Последующие информации о них нами частью заимствованы у Н. Ю. Шведовой.¹⁷ В пределах глаголов вырисовываются следующие типы тавтологических сочетаний:

4.21. Глагол повторяется с приставкой *по-*: *ждет—пождет, слышит—послышит, тянет—потянет, хожу—похожу, думает—подумает, узнаю—поузнаю, сиди—посиди; ходит—похаживает, сидит—посиживает, лежит—полеживает, вивжит—повививает, льет—поливает; сиди да посиживай, льет да поливает, жить бы да поживать, жди да подожди, сиди да посиди*. Всюду здесь присуще значение горизонтально распространяющегося, ничем не затрудненного, свободно выявляющегося действия.

4.22. При повторении глагол получает разные иные приставки: *ждет—поджидает, говорит—приговаривает, мерить да измерять, ежено—переежено*... Момент интенсификации здесь несколько явственнее, с разнообразными побочными семантическими нюансами.

4.23. Сочетание двух лексически близких глагольных лексем: *свистнул—гайкнул, вивжит—кричит, стонет—кричит, вдрожала—испугалась, заплакала—запричитала, бросил—позабыл, скачут—заливаются, поет—радуется, хохочет—заливается, разливаются—плачет, работает—убивается, помираю хохочу*. Степень интенсификации еще больше, причем оба глагольных элемента как будто воспроизводят идею единого явления в деютаге.

4.24. Интенсивность глагольного признака предельно усиливается тавтологическим безатрибутивным творительным падежом существительного или напоминающей его непарадигматической формой: *голодом голодать, криком кричать, мором мереть, плачем плакать, радостью радоваться, смехом смеяться, стоном стонать, храпом храпеть, голосом голосить, ходом ходить, ревом реветь, воем выть; бегом бежать, валом валить, варом варить, вопом вопить, иском искать, кипом кипеть, поедом есть, пропасть пропадом, слыхом не слышать, видом не видеть, стойком стоять, торчком торчать, сиднем (сидуном) сидеть, ходуном ходить, лежнем лежать*; из диалектов нами зарегистрировано еще вдобавок: *боем биться, говором заговорить, лопом лопать, отымом отымать, поиском искать, садом садить*. Все подобные сочетания характерны для народной речи, диалектов и языка фольклора. Известны они единичными примерами еще из древнейших памятников славянских языков.¹⁸

4.25. Подобную смысловую значимость имеют сочетания с приглагольными тавтологическими наречиями на *-мя* (или с вариантом на *-ма*): *дрожмя дрожит, кишмя кишит, лежмя лежит, стоймя стоит, живмя сидит, торчмя торчит, ревямя ревет, ливмя льет, валмя валит, живмя живет, висья висит, падья падет, летмя летит, воймя завыл, едмя ест, гормя горит, вертмя вертит*. По происхождению это, вероятно, псевдоинструментальные древние построения, плюрального характера (ср. также наречие *весьма* или ст.-сл., чеш. *вельми*).¹⁹

4.3. Две последние подрубки 4.24, 4.25 как бы создают переход к интенсификации путем постановки различных приглагольных определителей, словесных или фразовых. Они не только усиливают количество глагольного признака, но могут и оттенять его качество. По их природе можно наметить несколько типовых групп.

4.31. Интенсификация выражается наречием; напр. *здорово озяб, больно мне нравятся, шибко обрадовался* (эти наречия типичны для разговорно-просторечного стиля), *порядочно (порядком) отдохнул, страшно устал, ужасно (сильно, невероятно) похудел, безумно захотелось спать, крепко спит, громко крикнул, очень сердился, много потрудился, долго шел, мгновенно (мигом) заснул*. Само наречие, в свою очередь, может передавать градицию, предельную ступень: *разгорается все сильнее и сильнее, сказал быстро-быстро, наказала строго-настрога, уцепился как можно крепче, окончили быстрее быстрого*.²⁰

4.311. Особого внимания заслуживают адвербиализованные субстантивные номинативы (генетически — самостоятельные предложения) *страх, смерть, ужас, страсть*; напр. *я смерть пить хочу; он страх (страсть, ужас) любит это*; имеются также варианты конструкции с *как*: *ужас как ненавижу!*; *страх как кашляет*.²¹

4.32. Постановка адвербиального косвенного падежа или наречия такого происхождения; напр. *любит всей душой, радовался великой радостью, заснул каменным сном; мчались во весь дух (во весь опор), пустился во всю свою прыть, закричал во все горло (во всю глотку, во всю гортань), хохочет во весь рот, зовет во весь голос (во всю свою мочь), в сто сорок солнц закат пылал (Маяковский); орёт до хрипоты, плясали до изнеможения (до семи потов), наелся до отвала, любил до безумия, надоел до смерти; колотил изо всей мочи (изо всех сил); несется со всех ног, ударил со всего маху. Некоторые подобные определители носят явно устойчивый характер, ср. еще *кричит благим матом, хохотал во всю ивановскую, мчится сломя голову, бежит что есть силы (духу, мочи), отдохнул как следует*.*

4.33. Приглагольный определитель указывает высокую ступень глагольного признака путем сравнения. Конечно, более или менее проступает одновременно и качественная оценка признака. Характерной для русского языка является относительно широкая функциональная емкость творительного сравнения, напр. *ревет белугой, полетел стрелой, ворвался бомбой, мчится вихрем, пот лил градом, сердце кипит ключом, казаки несутся лавой (Фурманов)*.²² Еще ббльшая градация достигается в оборотах типа: *лежит пласт-пластом „jako učiněný plást“*, *сидит туча-тучей*, и даже: *река рекой разливаюсь-плачу*. (К параллельному употреблению им. и твор. падежей ср. и нередкие случаи вроде: *вино — вода-водой; он стал герой-героем; крадется вор-вором*.)²³

4.331. Помимо того, сравнение может выражаться еще рядом других способов, в том числе и целым предложением; ср., хотя бы: *ворвался, как (|| словно, точно) бомба; дед, что птица, вынесся наверх (Гоголь); подобно из лука стреле, над пропастью она (= серна) махнула (Крылов); затрепало по лесу, точно буря летит (Л. Толстой); весь дом содрогался, словно его качнуло большой волной (Симонов)*.²⁴

4.34. Наконец, интенсифицирующий определитель иногда оформляется в виде результитивно-следственного придаточного предложения: *колотили его до того, что остался еле живым; трудился так крестьянин мой, что градом пот с него катился (Крылов)*. Бессоюзная связь примечательна особенно для языка фольклора, ср. напр. *Сивко бежит, только земля дрожит (Афанасьев)*. Здесь же отмечаем указание на высокую ступень проявления глагольного признака таким образом, что приводится действие, которое чуть не осуществляется, напр. *я со смеху чуть не валялся (Пушкин)*.

Синтаксические средства

5. Под синтаксическими средствами надо здесь понимать такие фразовые конструкции, в которых постановка усилительных лексических десигнаторов совершенно факультативная, а интенсифицирующий эффект достигается благодаря общему оформлению данной конструкции в целом. Структурными элементами ее часто выступают всякого рода частицы (в ши-

роком, синтаксическом смысле, т. е. включая междометия), возрастает и релевантность интонации, немаловажным бывает и порядок слов. Многие факты здесь в последнее время были разработаны Н. Ю. Шведовой в ее „Очерках по синтаксису русской разговорной речи“.²⁵

В пределах данной категории выделяются две группы случаев. К первой (5.1) относятся предложения, где момент интенсивности оказывается более слабым, периферийным, модифицированным. Их функциональность не обусловлена восклицательной интонацией, организующая роль приходится на грамматическую природу самого сказуемого, эвентуальные частицы при нем являются чисто приглагольными; напр. *а она — ну ругаться; тут-то и случись беда; он знай кричит; это что-нибудь да значит*. В другую группу (5.2) входят обычно восклицательные, всегда эмоциональные предложения, с ярким значением высокой интенсификации, строящиеся с участием фразовых частиц; напр. *она как подбежит!; пушки так и бьют!; до чего же я испугалась!; ну и попадет же тебе за это!*

5.11. Предикативный инфинитив глаголов несовершенного вида в двусоставных предложениях чаще вносит оттенок интенсивного, внезапного наступления действия. Перед инфинитивом могут ставиться частицы *ну, давай*. Тип весьма частый. Примеры отдельных вариантов: *дрозд горевать* (Афанасьев); *он вырвался и (// да, да и) бежать; увидели слона, ну на него метаться* (Крылов); *дятел сел на бочку и ну долбить в самое дно* (Анафасьев); *солдат давай их (= волов) ловить* (Афанасьев); *а он наклонится к тенорам, да и давай им рассказывать* (Чехов). Встречается и удвоенное глагола: *дед отпираться, отпираться, наконец сел* (Гоголь).²⁶

5.12. Слабую интенсификацию, в смысле неожиданного, немотивированного действия, выражает — наряду с другими значениями — глагольное сказуемое в форме повелительного наклонения: *раз он ему и скажи* (Лермонтов); *вот он и подкатился, да и колыни барана* (Афанасьев); *старуха схватила ящичек, положила в мешок и ступай к сыну* (там же); *а он возьми да и расскажи нам про письмо* (Назир). (Глагольный компонент *возьми*, приобретающий почти характер частицы, вносит сверх того оттенок произвольности, как бы моментального каприза; он может выступать также в индикативной форме, напр. *взяли и просватали* [Чехов]; *взял да на себя и донес в убийстве* [А. Н. Толстой]).²⁷

5.13. Конструкции с приглагольной частицей *знай* (*знай себе*) передают смысл своевольно, беспрепятственно осуществляемого действия, даже вопреки неблагоприятствующим условиям: *ученику делают замечание, а он знай подсказывает*, „а on si roǎd parovída“; *поют, едят, знай покрикивают* (Афанасьев); *знай себе бездельничает*. Реже эта частица получает форму индикатива, напр. *знает болтает; около него и шум и крик, а он знает себе пишет* (Шведова 72).²⁸

5.131. Прочие частицы-модификаторы глагольной семантики занимают в области интенсификации маргинальное положение. Так, можно отметить акцентирующую частицу *таки* (*занял-таки; ткнул-таки; пришлось-таки сесть за учебник* /В. Некрасов — Шведова 229/; *таки совсем отказал?* /Писарев — там же/), или же функционально подобную частицу *да* в конструкциях с обязательным наличием неопределенного наречия или местоимения (*каждое утро он что-нибудь да проповедывал* /Чехов/; „обязательно проповедывал“; *куда-нибудь да поеду*, „хоть куда-нибудь, но обязательно поеду“).

5.21. К числу ярко экспрессивных конструкций, чаще восклицательных, отражающих эмоцию говорящего по поводу чрезвычайной степени количества или качества предикативного признака, относится прежде всего такой-то весьма частый тип: (субъект) + *как* + глагол совершенного вида в форме настоящего-будущего времени (независимо от временного плана всего контекста); изредка словопорядок бывает другим: *как* + глагол + субъект. Ср. *вдруг дверца каменки как отскочит!* (Горький) „*паједноу так рудце одскоћила!*“; *встал какой-то старшина да как крикнет* (Твардовский); *старик оглянулся — как визгнет!* (Л. Толстой); *вдруг как хватит его крокодил за живот!* (Маяковский).

5.22. Чрезвычайно употребительными в русской разговорной речи являются конструкции со сложной частицей *так и*. Форма глагола может быть любая, интенсификация действия весьма сильна. Напр. *глаза так и горят!* (Афанасьев) „*ођи јен хођи!*“; *снег так и валит* (Пушкин) „*спћн се јен сурал!*“; *все так и ажнули!*; *изо всей силы так и ударил его по лицу!* (Фурманов); *вас так и подмывает съязволить что-нибудь* (А. Н. Островский); *так бы и расколотил его на мелкие кусочки!* (Караваяева). Встречаются здесь разные повторы: *а спина-то сама так и гнется, так и гнется* (Пушкин); *так и ползет и ползет* (Паустовский — Шведова 125); *а пули так поверх меня и летят и летят* (Симонов).

5.23. От типа 5.21 отличаются частые конструкции с частицей *как*, но с иным словопорядком и с разными возможными видо-временными формами глагола. Ср. *как я расстроилась!* „*to јзем се гождљила!*“; *как он обиделся!* „*ten se urazil!*“; *как он волнуется!*; *как будет любоваться мною мой муж!* (Гоголь). Нередко пополняются еще междометия: *ох как я устал!*; *ах как надоело!*; *ух как ругался!*; *сердце ой-ой как колотится!* (Шведова 259); *о, как она на него кричала!* (Панова). Может иметь место инверсия порядка слов, свойственная вообще многим русским восклицательным предложениям: *спотыкается как, разбойник!* (Караваяева); *эх, кабы голос мне, — пел бы я как, господи!* (Горький).

5.231. Несравненно реже попадают подобные предложения только с частицей-наречием *так*: *она так расстроилась!*; *так обиделся!*; *ты так кричишь!*; *он так его понимал, так любил, так защищал постоянно от чужих нападков* (Фурманов).

5.24. Ограниченное употребление обнаруживают также предложения с частицей-наречием *сколько*, или же *столько*: *сколько мы поработали!* „*со јзме се паргасовали!*“; *сколько просидела в этой приемной!* „*со се пasedјла!*“; *сколько они пережили в пути!*; *да он тебя сколько ждал* (Караваяева) (инверсия порядка слов); *столько пришлось нам вытерпеть!* (периферийный случай).

5.25. Указание на предельную степень проявления признака обобщенно сигнализируется конструкцией с местоименной частицей *до чего* (иногда еще вместе с частицей *же*). Напр. *до чего (же) я испугался!* „*to јзем се ale lekl!*“; *до чего он любит кофе!* „*ten ма ale рад каву!*“; *до чего же она разволновалась!*; *ой, до чего же вы переменились!* (Симонов); *устала до чего!* (опять с инверсией).

5.26. Восклицательные, интенсифицирующие предложения с типичной русской частицей *вот* (этимологически: дейктическое междометие *то > о-то > во-то > вот*) и глагольным сказуемым распадаются на три

разновидности: (а) *Вот обрадуется (обрадовался) подарку!* „*ta bude mít (měla) radost...!*“; *вот удивишься!* (в. бы ты удивился!); *вот прыгал до потолка!*; *вот не ожидала!*; *вот танцует!*; *вот любил команду!* Основной смысл здесь — „тогда“, „в таком случае“, „в отношении данного контекста“. (б) *Она тебя вот как ждет!* „*ona tě tak čeká!*“; *вот как болит!* „*tak to bolí!*“; *а он от радости вот как прыгал!* На значение количественного усиления отчасти наслаивается момент качественной оценки. (в) *Вот отдохнули, так отдохнули!* „*to jsme si jaksepatří odpočali!*“; *вот покушал, так покушал!*; *вот потанцевали, так потанцевали!*; *вот покупались, так покупались!*; *вот кутят, так кутят!* Налицо здесь значение „точного соответствия называемому“ (Шведова 96), всегда с нюансом удовлетворения по поводу полноты совершения действия, чаще уже законченного.

5.261. Семантически с как раз названным подтипом (а) в абзаце 5.26 сильно сближаются разговорно-просторечные построения, содержащие частицу *то-то*, эвент. *от-то*. Но их частотность невелика. Ср. *то-то будет нерничать и турнюром своим дрыгать, когда меня не найдет в беседе!* (Чехов) „*ta bude vuvádět...!*“; *если бы Т. тебя здесь увидел, то-то бы рассердился!* (Короленко); *от-то танцует!* (Машин-Сяб.) (все примеры по Шведовой, 205—206).

5.27. В чисто экспрессивной функции наиболее широкой, семантически „немаркированной“ емкостью обладает сложная междометная частица *ну* и. Среди всей массы ее встречаемостей (напр. *ну* и *молодец!*; *ну* и *жизнь!*; *ну* и *комаров же там было!*; *ну* и *холодная!*) на позицию в предложениях с глагольным сказуемым приходится только меньшая часть их (подчас вставляется еще частица *же*, *уж*). Ср. *ну* и *пьют!* „*ti pijí!*“; *ну* и *печет!* (Брянцев) „*to to praží!*“; *ну* *уж* и *напугал ты меня!* „*tys mě ale vylekal!*“; *ну*, и *попадет же тебе за это!* (Горький); *ну* и *наломала гроза веток!*; *ну* и *костил же он тебя вчера на собрании!* (часть экземплификации по Шведовой, 191—193).

5.271. Элемент *ну* может заменяться междометием или же частицей *же*: *ох*, и *лотют!* (Фадеев); *ох* и *дрожить бывало!*; *эх*, и *рассердился на меня Сонькин!* (Нов.-Прибой); *эх*, и *размахнулось оно* (= море!) (там же); и *печет же сегодня!* (первые 4 примера по Шведовой, 258—259).

5.28. Структурной составной частью интенсифицирующих восклицательных предложений может выступать и только та или другая междометная частица, как-то: *ух*, *ох*, *ай да*, *эк* (*эка*). Примеры: *достанется тебе от матери, ух* (//*ох*) *достанется!*; *ай да валлет!*; *эк* *тебя избили!*; *эк* *его разобрало!*; *эк* *ты хранишь!* (все Шведова 253, 257, 263); *эка* *ревет, словно баба!* (Чехов).

5.281. Наконец, довольно часты конструкции с отглагольной, нелитературной частицей *ишь* (<видишь): *ишь* *распалился!* „(hele) *ten se roze-hřál!*“; *ишь* *раскричалась!*; *ишь* *дождь разошелся!* „(hele) *to se rozpršelo!*“; *ишь* *метет!*; *ишь* *храпака задает!*; *ишь* *нализался!* „(hele) *ten se namazal* (= *opil!*)“; *ишь* *извозился!* „*ten se došpinil!*“; а также: *ишь* *как измазалась вся!*

6. Заключение. Приведенный обзор интенсифицирующих десигнаторов действия, надеемся, обнаружил их значительное богатство и структурное разнообразие в системе современной русской живой и народной речи. Вообще думается, что например в сопоставлении с чешской разговорной речью русская устная речь отличается большей эмоциональной насыщен-

ностью, которая и получает соответственное словесно-грамматическое и интонационное выражение. Естественно, что отдельные приемы могут еще по-разному комбинироваться, так что выразительность, интенсификация становится тем сильнее; ср. *так и рубанул его!*; *ишь как уходилась!*; *ну и горланит же он!*; *а он — криком кричать*; *река рекой разливаюсь-плачу*. При переводе с русского подбор метких, полноценных эквивалентов другого языка представляет вопрос высокого переводческого мастерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

* При обработке данной темы нами был частью использован материал дипломной работы М. Штербы, возникшей под нашим руководством в 1959 г.

¹ Предмет „теории высказывания“ как особой лингвистической дисциплины в последнее время убедительно обосновывает М. Грепл (М. Grepl, *K předmĕtu tzv. teorie promluvy*, Sborník prací filos. fakulty brněnské university, A 11, 1963, 43—52).

² Некоторые общие теоретические соображения по этим вопросам высказал В. Матезиус (V. Mathesius, *Verstärkung und Emphase*, Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally, Genève 1939, 407—413; *Zesílení a zdůraznění jako jevy jazykové*, Čeština a obecný jazykozpyt, Praha 1947, 203 сл.). На конкретном сравнительно-историческом материале разработку ряда явлений языкового усиления произвел Э. Гофман (E. Hofmann, *Ausdrucksverstärkung*, Göttingen 1930).

³ К проблематике грамматических и интонационных аспектов экспрессивности в чехословацкой лингвистике писали особенно: Fr. Korečný, *Ke gramatickým prostředkům afektivní řeči*, Slovo a slovesnost 2, 1936, 163—166.; J. V. Bečka, *Zvuková a citová stránka věty*, Praha 1956; R. Mrázek, *Emocionálnost sdělení*, Rusko-české studie, Praha 1960, 161—172; J. Mistrík, *O gramatických prostředcích expresivnosti*, Slovenská reč, 1962, 144—159.

⁴ Применительно к чеш. яз. вопросы лексической экспрессивности и интенсификации разрабатывались Й. Зимой (J. Zima, *Expresivita slova v současné češtině*, Praha 1961).

⁵ Библиографические указания к этому неоднократно рассматривавшемуся синтаксическому явлению см. в нашей статье, опубликованной в сборнике Kapitoly ze zrovnávací mluvnice ruské a české I, Praha 1956, 26.

⁶ Ср. В. В. Виноградов, *Русский язык*, 758—759.

⁷ V. Machek, *Studie o tvoření výrazů expresivních*, Praha 1930; его же, *Česká a slovenská slovesa s příponovým я* (на сравнительном фоне), Sborník prací filos. fakulty brněnské university, A 1, 1952, 82—93. Внимания заслуживают также подобные этимологические изыскания Ф. Ливера (F. Liewehr, *Zur Ausdrucksverstärkung im Slawischen*, ZslPh 23, 1955, 89—115; его же, *Über expressive Sprachmittel im Slawischen*, Zsl 1, 1956, 1, 11—27).

⁸ В. Mahling—Richter, *Studien zum russischen Verbum*, ZslPh 24, 1955, 47—67; эта статья специально занимается однократно-интенсивными глаголами на -*ануть* [-*онуть*], -*енуть* с указанием предшествующих исследований: Ильинского, Шахматова, Стендера-Петерсена, Видемана, приводя в заключении список около 80 таких глаголов. Ср. также В. В. Виноградов, *Русский язык*, 439—440, 529. На украинские аналогичные факты впервые обратил внимание Smal Stockyj, *Actio intensiva im Ukrainischen*, AfslPh 36, 1916, 436 сл.

⁹ А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким II*, 1960, 209—309.

¹⁰ См. А. В. Исаченко, *указ. соч.*, 246—249; Н. Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, М. 1960, 67, 237; В. В. Виноградов, *Русский язык*, 636; к русско-чешским параллелям относительно этих и нижеследующих явлений „совершенностей“ ср. *Přiruční mluvnice ruštiny pro Čechy I*, Praha 1961, 156—157.

¹¹ А. В. Исаченко, *указ. соч.*, 250.

¹² там же, 245.

¹³ там же, 392—394.

¹⁴ В. В. Виноградов, *Русский язык*, 637. О типе мне не читается, ему поется..., с установкой на русско-чешские соответствия (и с указанием литературы), см. нашу

статью *K syntaxi vět s nestálým reflexivem v ruštině a češtině*, *Sovětská věda-jazykověda* 3, 1953, 436—440.

¹⁸ Н. Кřížková, *Opakování slov jako prostředek intenzifikace v ruštině a češtině*, *Rusko-české studie*, Praha 1960, 309—324. Ср. также Н. Богowska, *Redoublement des mots dans la poésie populaire russe*, *Lingua Posnaniensis* III, 1951; И. Г. Галенко, *Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов*, *Вопросы языкознания*, сборник статей, кн. 1, Львов 1955; Н. Ю. Шведова, *Очерки*, 32 сл.

¹⁷ Н. Ю. Шведова, *Очерки*, 65 сл., 44 сл., 90 (с указанием дальнейшей литературы, из которой особенно важны наблюдения А. А. Потебни, *Из записок* III, 559—561).

¹⁸ См. сборник *Творительный падеж в славянских языках*, М. 1958, 121; Н. Ю. Шведова, *Очерки*, 74 сл.; ср. также примечание 19. В самое последнее время специально об этом писала Т. С. Тихомирова, *О творительном тавтологическом в русском языке*, сб. *Славянская филология* 5 (Изд. Москов. университета), М. 1963, 242—266.

¹⁹ На компаративистской базе (в частности, балто-славянской) к подобным явлениям см. J. Zubatý, *Studie a články* II, 378 сл.; E. Hofmann, *Ausdrucksverstärkung*, 85—86; относительно русского материала А. А. Потебня, *Из записок* I—II, 490; А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, 303; R. Jakobson, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, 267; Н. Ю. Шведова, *Очерки*, 74 сл.

²⁰ Именно многочисленные случаи усиления с помощью наречий („Steigerungsadverbien“) подробно рассматривает E. Hofmann, *Ausdrucksverstärkung*, 104 сл.

²¹ В. В. Виноградов, *Русский язык*, 360. Правильное семантическое толкование подобных конструкций дал еще А. В. Попов, *Синтаксические исследования*, 1881, 89. На чешском материале мысль о возникновении из относительно самостоятельных высказываний выдвинул акад. Фр. Trávníček (Fr. Trávníček, *Neslovesné věty* II, 1931, 26 сл.).

²² Подробнее R. Mrázek, *K užívání prostého instrumentálu v současné ruštině*, *Kapitoly ze zročnávací mluvnice ruské a české* II, 1961, 180—182.

²³ О подобных случаях в свое время писал проф. В. Махек, *Naše řeč* 13, 1929, 25—33; ср. еще *Naše řeč* 13, 51—56 и 20, 1936, 201—204.

²⁴ Из литературы по способам выражения сравнения отмечаем особенно недавнюю работу И. К. Кучеренко, *Сравнительные конструкции языка в свете грамматики*, Киев 1959. Интересна, между прочим, компаративистская статья: H. Jensen, *Der steigende Vergleich und sein sprachlicher Ausdruck*, *IF* 52, 1934, 108 сл.

²⁵ Еще до издания „Очерков...“ Н. Ю. Шведова обработала часть проблематики разговорных конструкций, в том числе и интенсифицирующих, в статьях: *Некоторые виды значения сказуемого в современном русском языке*, *Исследования по грамматике русского литературного языка*, М. 1955, 247—341; *Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи*, *ВЯ* 1957, 1, 85—95. Многие вопросы, связанные с чешскими эквивалентами последующих ниже в тексте русских конструкций, нами были сжато изложены в книге J. Bauer—R. Mrázek—S. Žaža, *Příruční mluvnice ruštiny* II, Praha 1960 (раздел о сказуемом, 220 сл., и об эмоциональных предложениях, 66 сл.).

²⁶ Ср. также *Грамматика русского языка* АН СССР, II/1, М. 1954, 403—404. Подлинно интенсифицирующим вряд ли можно признать инфинитив в частом русском типе: *читать-то читаю; стрелять не стреляет; помочь они мне не помогут*.

²⁷ там же, 407.

²⁸ Н. Ю. Шведова, *Очерки*, 72, 101. К дальнейшим параграфам нашей статьи можно указать некоторые соответствия на следующих страницах в книге Шведовой: 171, 229 (5.131), 131 (5.21), 124 сл. (5.22), 259 сл. (5.23), 276 (5.25), 96, 117—118, 132 (5.26), 205—206 (5.261), 191—193 (5.27), 258—259 (5.271), 252 сл., 257, 263 (5.28).

DESIGNÁTORY INTENZIFIKACE DĚJE V RUŠTINĚ

V stati se podává zobecňující přehled a stručný výklad všech výrazových prostředků, jimiž se v hovorové ruštině realizuje intenzifikace slovesného děje, chápaná dosti široce. Po stručném úvodu (1.) jsou probírány: prostředky lexikální (2.) — výběr určitého slovesného lexému nebo slovesného citoslovce, dále prostředky lexikálně-morfologické (3.) — jednak „etymologická intenzíva“ (3.2) a živý typ sloves na -ануть (рубануть, прыгануть..., 3.3), jednak příslušné druhy „způsobu slovesného děje“ (3.4), dále prostředky lexikálně-syntaktické (4.) — opakování slovesa (4.1), tautologie s jevy příbuznými (4.2) a užití různých typů adverbálního determinantu (4.3), a nakonec prostředky syntaktické (5.) — nejprve některé případy formálně sémantické modifikace pouhého přísudku (5.1) a potom konstrukce obvykle zvolací (5.2), v nichž se designátorem intenzifikace jeví intonace spolu s tou nebo onou částicí v syntaktickém slova smyslu.